

За встречу! Поэту Вадиму Богатырёву – девяносто лет

Я пришёл к нему в гости. Поднимаюсь по лестнице, а сверху музыка, вальс! Распахнута квартирная дверь – Вадим с баяном приветствует меня. «Амурские волны».

Много чего вместили его девять десятков.

Отец Вадима – гидростроитель, успел поработать на пятнадцати стройках молодой Страны Советов. От легендарной Шатурской ГРЭС до Дальнего Востока. С Шатурой связаны первые детские впечатления Вадима.

Опять воспоминанья донесли
смешной свисток игрушечной
«кукушки».

Я снова мальчик.

Папа мой – прораб.

Он строит ГРЭС

и ходит с нивелиром...

Школу Вадим окончил в Иркутске. Предвоенный выпуск – сороковой год.

В военно-морское училище не пропустила мандатная комиссия. Потому что от папы немецкая фамилия Штейнберг, а матушка того хуже – дочь протоиерея... Таким макаром начала исполняться Вадимова жизнь.

Ладно, погорюем, проглотим обиду - и вот он, Иркутский мединститут, лечебный факультет. И вот она, первая любовь, однокашница-студентка Роза Орбах. Ходили, взявшись за руки. А первые стихи напечатаны в газете «Восточно-Сибирская правда» ещё в шестнадцать лет...

Следующий год – сорок первый. Стройбат под Читой.

В сорок втором согласно секретному приказу Сталина об очищении армии от нежелательных национальностей Вадим выслан под конвоем на спецпоселение в город Осинники, шахта «Капитальная». Навалоотбойщик, люковой, таскатель крепёжных стоек на горбу – лесогон называется эта профессия.

Железно клацая, людьми рыгает
клеть,
гремит устало мёрзлая спецура...
До ламповой и мойки надо
одолеть
шагов четыреста...
Шагаю хмуру.

У Вадима Николаевича счастливый характер. О худом, что было, говорит с улыбкой. А больше вспоминает доброе или забавное:

«Там нас хорошо кормили, о здоровье заботились. Кроме приварка кило двести хлеба. Перед спуском в шахту ещё сто граммов хлеба, тридцать граммов сливочного масла и тридцать граммов сахара... Мы без конвоя ходили, можно было выйти за зону...»

А на зоне Вадим обзавелся друзьями-спецпереселенцами (фамилии на подбор – Гиппиус, Вангонен...). Вел дневник, писал стихи, некоторые печатала газета «Горняк». Вот Розе Орбах не писал. Стыдно было, что спецпереселенец.

Всё это обыкновенный соцреализм. Но и без сюрреализма не обошлось.

В октябре 44-го вылез из шахты, отмылся в душе, упал на нары...

Будят. Два милиционера.

«Вы Штейнберг? Вадим Николаевич? Двадцать первого года рождения? Собирайтесь, вы арестованы».

Прокуратура. Прокурор читает с листа папиросной бумаги приговор. Восемь лет заключения в лагере за побег с производства. Приговор вынесла «тройка», заседавшая в городе Бердске. За побег с шахты, из которой Вадим только что вылез!

Тюрьма под Кемеровом. Место у параши. Но вскоре на втором этаже нар, с ворами. «Я был романистом!» – смеётся Вадим.

Господи! Полвека назад первый и последний раз слышал я это слово. Романист – человек, который в тюрьме, в лагере умеет увлекательно рассказывать книги, прочитанные когда-то. «Нет! – возражает Вадим. – Я ни одной книги не рассказал. Все из головы. И все про любовь! Народ молодой, здоровый – внимают, не дышат! Белым хлебом кормили».

Да уж... Талант, он и в тюрьме талант.

Этот сон наяву, этот эпос вершился пять месяцев. Затем Вадима вернули в исходное положение на шахту «Капитальная». На те же нары. «За отсутствием состава преступления».

Потом было 9 Мая.

А в августе 47-го (скоро сказки сказываются) Вадим со справкой спецпереселенца вместо паспорта вернулся к родителям в Иркутск. На улице встретил Розу. Замужем, беременна. «Вадик, почему ты не писал?»

Техникум искусственного жидкого топлива в Ангарске. Литобъединение. Стихи печатал в газетах... В пятьдесят первом влюбился без памяти. Родители девушки были не прочь их брака, но уговаривали не подвергать Таню и будущих детей риску своей немецкой фамилией. Вадим принял фамилию жены и стал Богатырёвым.

У Вадима дед Василий Владимирович Штейнберг, статский советник, управляющий Московским вагоноремонтным заводом, за безупречную службу получил дворянское звание. Отец Вадима Николай Васильевич – советский инженер, а в молодости знаменитый кулачный боец, вольноопределяющийся (доброволец) в первую мировую.

Трижды бежал из немецкого плена, стоял за это под расстрелом. Доподлинно известно, что один из Штейнбергов в восемнадцатом веке служил царю и Отечеству полковым лекарем... У Вадима матушка Елена Леонидовна Россова закончила знаменитые Бестужевские курсы, в 23 года была директором детского дома. Её дед и отец – православные священники. В разветвлениях родового древа Россовых и миллионер Шустов, торговец коньяками, и нобелевский лауреат, физиолог Павлов, и медики – доктора наук... Если б Вадим отказался менять фамилию, я б его, конечно, понял. Но понял как-то по-книжному, где пишут про героев. А поменял, я его ещё как понимаю! Мать моя Родина! Что с нами творишь?!

Мы познакомились в литобъединении. Вадим читал стихи, посвящённые конструкторам из ОКБА.

Я к ним иду –
Там родина моя.
Лежат снега мелованной
бумаги...
Опять у кульмана мои друзья...

.....
Летит из прошлого чертёжный
лист,
Плывёт ко мне, как тихий
белый лебедь.

В Ангарске он успел поработать оператором, начальником смены, лет двадцать инженером-конструктором... Да много ещё кем. Выпустил две книги стихов...

А вот эту историю во всём Ангарске только я знаю.

В самом начале девяностых я участвовал в выборной кампании. Выступал на митингах, расклеивал самодельные плакаты, писал тексты листовок, сам их раздавал. И вот завтра «день тишины», уже смеркается, а у меня ещё целый рулон плакатов и пачка листовок. Выкинуть в голову не приходило. В те годы не за деньги – за идею. Стою на углу Карла Маркса и Чайковского, умотанный донельзя! Смотрю, бежит Вадим. Такой

семидесятилетний мальчик. Поручкались – года четыре не виделись. Пара слов, и мне уже надо идти. Уже издали кричу: «Чем занимаешься-то?» Он вернулся, и доверительно понизив голос: «Исключительно литературой и политикой...» Надежда ворохнулась. «Может, поможешь? С ног валюсь». Как радостно отобрал он у меня рулон, листовки! И побежал. Семидесятилетний мальчик. А я поплёлся отсыпаться.

Прошло ещё года четыре.

9 Мая. Мой отец, как вернулся с войны, награды ни дня не носил. (Это меня, пацана, дюже огорчало.) Последние лет пятнадцать в День Победы папа даже на улицу не выходил. А тут накануне говорит: «Прикрепи ордена». – «Папа, штыри пиджак испортят, дырок наделаем». - «Дырявь!!!» Поглядел я в энциклопедии, какие награды на какой борт, продырявил.

Утро-о... чудесное! Так легко дышать! Ветераны собирались у «Победы». А папа с палочкой, ему далеко за восемьдесят. «Папа, давай у почтамта подождём, и здесь в колонну встанешь». – «Давай». Оркестр заиграл – пошли. Как набежала толпа, как нас к почтамту притиснули! Хорошо, у самого угла сам вырвался и папу выдернул. Уже ветераны идут. Мы в спины людям потыкались, не пробиться... Отошли на лавочку, к Ленину. «Папа, извини, так получилось...» И тут он меня убил: «Я последний раз хотел с товарищами пройти...» Тихо сказал. Я сижу, глаз не поднимаю. Ничего не исправить. Никогда.

И тут нарисовался Вадим! Улыбается. Познакомил их. Они заговорили, стали прохаживаться по площади, беседуют – толпы не видят. Так погуляли минут двадцать. Я к ним не лез. Потом Вадим распрощался и убежал. А папа улыбается!

В тот день мы ещё долго гуляли. Даже до парка дошли. На Китой издали полюбовались... Папа Китой в последний раз видел.

Я за то, чтобы мы в своей жизни чаще встречали Вадима Богатырёва.

Олег КОРНИЛЬЦЕВ

Пародия В. Богатырёва на стихи А. Кобенкова

«Я рылся в книгах...

...потому меня любили

Онегин, Жан-Кристоф и Мцыри,

Рембо и Кант Иммануил».

Анатолий Кобенков

Всеобщий любимец

Я кашлял,
я чихал от пыли
и как бульдозер полки рыл –
меня недаром полюбили
Онегин, Жан-Кристоф и Мцыри,
Рембо и Кант Иммануил.
Меня любили поварихи,
три офицерские жены,
все гарнизонные врачихи
как кошки были влюблены.
Все девушки меня любили
и у казармы до зари
большими стаями ходили,
изнемогая от любви.
Все машинистки сохли в штабе –
я по-солдатски не зевал,
девчонок складывал я в штабель
И... дембелям их раздавал.

О. КОРНИЛЬЦЕВ
Время. - 2011. - № 135 (8 дек). - С. 5.